

ИНСТИНКТЫ ЖАЖДА

Аура Чейн

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Аура Чейн

Инстинкты: Жажда

«Автор»

2026

Чейн А.

Инстинкты: Жажда / А. Чейн — «Автор», 2026

Она думала, что самое страшное в её жизни было стать его врагом. Она ошиблась. Самое страшное — это стать его лекарством от скуки. Блейк Хоторн — психопат в костюме за тысячу долларов. Наследник империи и идол кампуса, для которого люди делятся на два типа: хищники и корм. Он привык брать, ломать и выбрасывать. Мэлори Шоу стала добычей, которая посмела на него огрызнуться и теперь на неё открыта охота. Травля казалась ему забавной игрой, а чужие унижения лёгким развлечением. Но игры имеют свойство выходить из-под контроля. Особенно когда жертва оказывается не такой уж беззащитной, а дикая ненависть перерастает в болезненную одержимость. История двух хищников, сошедшихся в битве за выживание. Кто же сломается первым? Принц, который не умеет проигрывать, или волчонок, который не умеет сдаваться?

© Чейн А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2: часть 1	21
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Аура Чейн

Инстинкты: Жажда

Глава 1

ВНИМАНИЕ: строго 18+. Эта книга содержит нецензурную брань, подробные описания сцен грубого сексуального характера, темы психологического и физического насилия (в прошлом и настоящем), принуждение, дисбаланс сил, отсутствие согласия, кровь, травмы, токсичные отношения, газлайтинг, доминирование, ПТСР. Главный герой психически нестабильный антигерой. История не для слабонервных. Читайте исключительно на ваш страх и риск.

— *Опиши наш мир одним словом.*

— *Дерьмо.*

Мэлори Шоу

Мэлори ненавидела шум.

Не просто не любила, а именно ненавидела всей своей костной системой, каждым нервным окончанием, отточенным годами выживания в мире, где любой звук был предвестником скорой боли.

Потому что шум был языком насилия, который она выучила раньше, чем сам алфавит.

Первым триггером шел свист кожаного ремня, расстегнутого заботливой отцовской рукой.

Вот где крылось ядро её маленького ада под именем «жизнь», цоканье которого до сих пор заставляло её внутренности скручиваться в тугой узел. Ей было не то пять, не то шесть лет, когда она научилась читать этот звук как свой собственный прогноз погоды на день. Ремень, стягиваемый с отцовских джинсов, означал, что у неё ровно три секунды на то, чтобы сжаться в комок на полу, прикрыть лицо руками и зажмуриться так сильно, насколько это вообще возможно. Это редко помогало, ведь даже будучи слепым, сжавшимся в клубок ребёнком, она слышала абсолютно все: и этот мерзкий, тошнотворный свист кожи, рассекающий воздух, и этот равнодушный хлопок удара по её рукам, спине или ногам.

Вторым триггером было шипение масла во фритюрнице пиццерии, где она пахала по ночам.

Такой противный, высокочастотный визг, который можно было прочувствовать не только барабанными перепонками, но и зубами, которые скрипели друг о друга. Запах горелого жира въедался в волосы, одежду и кожу так глубоко, что никакой дешёвый шампунь из долларового магазина не мог выполоскать его полностью и оставлял на ней запах бедности. Запах того, что в их университете заботливо нарекали «обслуживающим персоналом». Теми самыми невидимками, которые приносят еду, убирают мусор и испаряются обратно в свою параллельную вселенную, где люди вынуждены экономить даже на тюбике зубной пасты.

Третьим триггером было рычание умирающего мотора доставочного скутера.

Эта дряхлая железяка заводилась только после ритуального пинка по корпусу и не абы как, а точно в определенное место рядом с выхлопной трубой, куда требовалось вложить силу и злость, дозированные до унции. Иначе мотор захлебывался, кашлял черным дымом и умолкал

с жалобным стоном старой рухляди. За два года работы Мэл научилась бить в него точно и сильно, вкладывая в каждый пинок всю свою ярость к этому дерьмовому миру. Иногда ей даже казалось, что она пинает не железяку, а саму жизнь, пытаясь заставить её работать как надо.

Но больше всего на свете она ненавидела людей.

Их голоса, их смех, само их существование, состоящее сразу из нескольких факторов:

Гул толпы в метро по утрам, похожий на жужжание гигантского улья. Мэл всегда ехала, вжавшись в угол вагона, с надежно накрученными на шею наушниками в ушах, хотя музыку включать даже не пыталась, просто пыталась создать иллюзию барьера между собой и этим миром.

Стук пальцев раздраженных клиентов по стойке, такой нетерпеливый, высокомерный бит, ведущий с тобой отдельный разговор, в котором ты была не более чем дешевой функцией для немедленного исполнения их требований.

И смех.

Боже правый, как же она ненавидела их смех.

Не тот искренний звук, который она, наверное, уже нигде не слышала, о нет, она ненавидела тот особый, демонстративный, звенящий смех богатых людей, который всегда звучал слишком уж громко и самодовольно. Смех, которым они пытались заполнить все пространство вокруг, дабы выпятить свою важность на первый план, чтобы каждый услышал и понял — этим людям весело. Этим людям хорошо. Эти люди *не* ты.

Именно такой смех ударил ей в уши, когда дверь пентхауса в элитном жилом комплексе на Парк-авеню распахнулась настежь, явив на свет Тиффани Харрингтон собственной персоной, высокую и достаточно стройную девушку с идеально уложенными медовыми волосами и лицом, на которое было потрачено больше денег, чем Мэл зарабатывала за год. Платье от Versace облегалo её фигуру как вторая кожа, пока колье на шее сверкало, словно затерянное сокровище нации. Тиффани была дочерью медиамагната, того самого владельца половины телеканалов страны, и она никогда не упускала возможности напомнить окружающим об этом, несомненно, важном факте.

В университете Тиффани время от времени снисходила до общения с «обычными» студентами, кто учился здесь не благодаря связям родителей и толстым кошелькам, а благодаря с трудом полученным стипендиям и кредитам. Считала она это чем-то вроде добровольной благотворительности и поводом блеснуть гордым: «Я не снобка», при этом само это общение, как правило, сводилось к тому, что она милостиво бросала пару слов пролетариату между занятиями, прежде чем унести в облаке цветочных духов и самодовольства к своим настоящим друзьям.

Мэл была одной из этих «обычных» студентов. Они были в одной группе на факультете финансов, и Тиффани, видимо, находила какое-то извращенное удовольствие в том, чтобы иногда обращаться к Мэл с вопросами о лекциях или домашних заданиях, будто оказывала этим самым невиданную честь.

Прямо сейчас расфуфыренная блондинка смотрела на неё со смесью восторга и злорадного удивления.

— О боже мой, — шокировано протянула она, широко распахнув накрашенные глаза. — Мэлори? Это правда ты?

Мэл сжала челюсти, натягивая на лицо профессиональную улыбку, не достигнувшую её пустых глаз:

— Добрый вечер. Заказ на имя Моррисон. Четыре большие пиццы, острые крылышки и...

— Подожди-подожди-подожди, — торопливо подняла руку, обрывая её речь, и улыбнулась ещё более широкой улыбкой, обнажая идеально белые виниры. — Ты... ты, что, работаешь курьером?

— Да, — ровно ответила Мэл, перенося вес с одной ноги на другую из-за того, что термосумка на спине внезапно стала в два раза тяжелее обычного. — Могу ли я...

— Девочки! — заголосила Тиффани, разворачиваясь к квартире. — Девочки, только посмотрите, кто принес нам пищу!

Конечно же, подобно акулам, почуявшим человеческую кровь в своей комфортной среде обитания, «девочки» тут же прибежали на зов своей хозяйки.

Мэлори узнала всех до единого в мешанине сияющих платьев и мерцания украшений от Chanel, Dior, Tom Ford и т.д. Это была так называемая элита всего университета, которая воспринимала своё обучение в нем как приятное времяпрепровождение между пышными вечеринками и избыточным шопингом.

Мэлори им совсем не завидовала.

— Это же Мэлори из нашей группы! — зашебетала Тиффани, явно наслаждаясь моментом. — Оказывается, она подрабатывает курьером. Разве не мило?

Слово «мило» бледная курица протянула с такой снисходительной интонацией, что Мэл почувствовала, как её пальцы автоматически сжимаются в кулаки.

— Могу я получить оплату и уйти? — наперекор шёпоту внутренних демонов она выбрала цивилизованный подход. — У меня впереди ещё несколько заказов.

Но её слова потонули в бурном хоре их восклицаний:

— Ого, я даже не знала, что ты работаешь!

— Прямо как в кино про бедных студентов!

— А униформа-то какая! Такая... э-э... винтажная.

Мэл опустила взгляд на свой наряд богемы из выцветшей от старости красной футболки и оранжевой куртки с логотипом пиццерии «У Тони», которая была ей велика на два размера, и застиранные черные джинсы.

На фоне брендовых шмоток своих однокурсниц она выглядела как грязное пятно на белоснежном ковре. Существо из другого мира, где люди даже не думают о том, чтобы носить платье за десять тысяч долларов и не пьют шампанское стоимостью в тысячу баксов за бутылку.

— А знаете, девочки, почему бы Мэл не задержаться у нас и потусить немного? — предложила осененная озорной идеей Харрингтон. — Нам же как раз не хватает классового разнообразия на вечеринке, правда?

Свита ответила ей нестройным ворохом одобрительного смеха:

— Господи, Тифф, ты просто гений! Это было бы так мило!

— Надо поддерживать работающих девочек из простого народа!

— Прямо как социальный эксперимент.

У Мэл затрещало в висках. Ещё одна проблема на её голову. Они, что, всерьёз считают, что делают ей услугу? Да даже слепой идиот разглядел бы в этом предложении яд, щедро посыпанный сахарной пудрой.

— У меня работа, — уныло посмотрела на этих сучек Мэл.

— Ой, да брось, — впритык прижалась к ней Тиффани, опалив красочным амбре цветочного парфюма и выпитых коктейлей. — Я уверена, твой босс переживет.

— Не переживет, — коротко ответила Мэл. — Пожалуйста, просто оплатите заказ и дайте мне уйти.

Но Тиффани уже вцепилась в её плечо длинными накладными ногтями, покрытыми розовым гелем. Не больно, конечно, но с достаточно крепкой хваткой, чтобы дать понять безмолвное напутствие: это не просьба, милочка.

— Ну не будь такой букой, Мэл! Останься. Выпей с нами. Ты же и так никогда не развлекаешься! Вечно серьёзная и напряжённая, а всё, потому что отказываешься от веселья. Расслабься, малышка!

— Я не могу, — попыталась отстраниться Шоу, но чужая хватка только усилилась. — У меня впереди ещё три заказа, я должна...

— Вот, — Тиффани выудила из крошечного клатча, висевшего у неё на запястье, несколько крупных купюр и сунула Мэл в лицо. — Это покроет все твои заказы. Ещё и с хорошими чаевыми останешься. Теперь у тебя нет причин отказываться.

Мэлори бездумно уставилась на деньги в своей руке.

Три сотни. Больше, чем она зарабатывала за всю ночную смену.

На эти деньги она могла бы купить продуктов на всю неделю, оплатить часть счетов за общежитие, может быть, даже позволить себе новые кеды, потому что её нынешние буквально разваливались на части.

Но стоят ли эти деньги того, что она должна будет отдать взамен? Дурой она не была, а потому понимала, что на другую чашу весов ей придется положить собственное достоинство, ведь приглашали её не как гостью, а как циркового зверя, которого выставят перед всеми на потеху публике.

— Если ты откажешься, — голос Тиффани стал тише, когда она выпустила в него стальные нотки. — Мне придется позвонить твоему начальнику и пожаловаться на грубое обслуживание. Думаю, ты сама понимаешь, чем это может закончиться для твоей славной... карьеры.

Мэлори нахмурилась и подняла на щедрую клиентку взгляд исподлобья. Тиффани ответила дружелюбной улыбкой, вот только глаза были зеркалом души, и в её синем взгляде можно было спокойно разглядеть блеск ничем не скрываемого торжества. Стерва знала, что выиграла, загнав ее в тупик.

В конце концов Мэл не могла позволить себе потерять работу. Эта чертова задрипанная подработка на грани минимальной зарплаты была одним из трёх источников дохода, которые хоть и едва, но всё-таки позволяли ей сводить концы с концами. Если она потеряет её из-за конфликта с клиентом, а такие как Тиффани умели давить так, что не оставляли иных вариантов развития для скандала... то не сможет оплатить общежитие. Не сможет купить новые учебники. Не сможет есть, черт побери её вечно голодный желудок. А если она не сможет есть, то не сможет хорошо учиться. А если она не сможет учиться, её отчислят. А если её отчислят...

Ей придется вернуться домой.

К отцу.

Эта мысль была хуже любого кошмара. Хуже голода, унижения, да, дьявол её раздери, хуже всего на свете!

— Час, — протолкнула сквозь зубы Мэлори. — Не больше.

Триумфальная улыбка Тиффани могла осветить весь Манхэттен:

— Прекрасно! Девочки, освободите место на диване!

И Мэл втянули внутрь в иной мир.

Так, как будто порог этой массивной двери разделял мир на две совершенно иные реальности и теперь она оказалась внутри той, которую видела только на экранах телевизоров или в глянцевых журналах, оставленных в библиотеке богатыми студентами.

А всё потому что пентхаус был просто огромен. Этакое открытое пространство с панорамными окнами от пола до потолка, за которыми расстилался ночной город из тысячи огней, мерцающих как земные звёзды. Полы состояли из белого мрамора, в гостиной располагалась пара-тройка кожаных диванов и абстрактные картины на стенах, что, наверное, стоили больше, чем её почка. Кухонный островок со столешницей из чёрного гранита был уставлен бутылками алкоголя, названия которых ей даже прочитать было сложно и, нет, это было не только из-за разделяющего их расстояния.

О, и, конечно же, повсюду были разброшены люди. Десятки людей, одетых по последнему писку моды. Каждая деталь их гардероба кричала о принадлежности этому незнакомому и мерзкому миру, в который Мэл не повезло попасть на некоторое время.

Чьи-то игривые женские ручки усадили её на диван в углу гостиной. Свет тут был приглушен особенно сильно из-за цвета ламп, которые создавали атмосферу ночного клуба.

— Выпей, — кто-то сунул ей в руки бокал.

Мэл посмотрела на темную жидкость, что было бренди, судя по запаху. Она никогда не пробовала бренди, впрочем, как и весь остальной алкоголь, если не считать дешевое пиво, которое иногда пил отец и которым он иногда делился с ней в особо «добрые» дни.

— Я за рулем, — попыталась она отказаться.

— Один бокал не повредит! — настояла хихикающая Тиффани. — Да и скутер твой — это не совсем машина, разве нет?

Мэл сделала глоток.

Жидкость в ту же секунду обожгла горло, оставив за собой след из терпкого тепла и липкой сладости. Не противно, но и не приятно. Просто... странно. Наверное, потому что она ничего не ела с утра, так как сэкономила на еде, чтобы заплатить за новый учебник по экономическому анализу.

— Ну вот, уже лучше! — с комфортом устроилась рядом Тиффани, закинув ногу на ногу. — Теперь рассказывай, каково быть бедной студенткой? Мне всегда было так любопытно!

Шоу на мгновение почувствовала себя представителем дикого племени из неизведанных джунглей Амазонки.

— Нормально, — равнодушно пожала она плечами. — Живу, учусь, работаю, иногда сплю, если везёт. И так по кругу.

— Но как ты всё успеваешь? — встряла другая девушка из группы поддержки Харрингтон, кажется, по имени Милли, присаживаясь на подлокотник дивана. — Типа, я пыталась устроиться на стажировку прошлым летом, и это было так тяжело! Три дня в неделю по шесть часов, я просто умирала от усталости.

Мэл посмотрела на нее.

Милли ответила серьёзным взглядом, явно ожидая сочувствия.

И тогда Мэлори вдруг одолело желание рассмеяться ей прямо в лицо. Или заплакать. Ну или на худой конец разбить бокал об этот идеальный стеклянный столик и посмотреть, как стекла разлетятся на тысячи мелких осколков.

— Я работаю пятнадцать часов в день, — безэмоционально отчиталась она. — И у меня три работы. Библиотека, служба доставки и репетиторство. Плюс полная нагрузка в университете. Успеваю, потому что, если не буду успевать, то вылечу. И тогда мне придется вернуться домой. А домой я не вернусь. Даже если начну умирать от усталости, по крайней мере умру здесь на своих правилах.

Над их столом повисла неловкая тишина.

Девушки переглянулись друг с другом с таким видом, будто Мэл сказала что-то максимально неприличное. А затем Тиффани рассмеялась легким, небрежным смехом и мгновенно стёрла всё напряжение.

— Боже, ты такая драматичная! Ну ладно, хватит о грустном. Давай лучше выпьем ещё! Она снова наполнила бокал Мэл новой порцией выпивки, не дожидаясь ответа.

А потом ещё раз.

И ещё.

Мэл, естественно, пыталась отказываться, но каждый отказ встречал такой громкий хор разочарованных возгласов, что проще было просто пить. Она слишком устала сопротивляться. Пустой желудок и пятнадцать часов на ногах сделали своё дело — второй бокал ударил по тормозам, а дальше инстинкт самосохранения просто уснул. Алкоголь делал мир мягче и терпимее, а потому это даже играло ей на руку. Голоса вокруг слились в один протяжный гул, превратившись в безликий фон.

И... время текло странно.

Мэл не знала прошел ли мимо нее один час или целых два, потому что сосредоточиться на часах ей попросту не давали. Рядом постоянно кто-то был и задавал вопросы, которые, на первый взгляд, были невинными, но по факту скрывали острые шипы насмешек.

— Это правда, что ты живешь в общежитии с ещё одной соседкой?

— Да.

— Боже, я бы умерла. У меня собственная квартира, и даже там мне тесно, потому что родители поскупились на вариант с гардеробной.

— Твои родители гордятся тем, что ты попала в наш Лэнгстон?

— Мой отец считает, что я зря трачу время. Мать боится, что прогорит стипендия.

— Ой. Это... ну... грустно.

— Кстати, где ты покупаешь одежду? Напоминает одну линейку про уличный стиль...

— Секонд-хенд. Футболки там стоят по три доллара за штуку.

— Вау. Типа, экологично!

Где-то между четвертым и пятым бокалом она начала наблюдать. Это было чем-то вроде защитного механизма, когда мир вокруг становился настолько подавляющим, что угрожал погубить уже её, она отстранялась от него и превращала окружающих людей в сплошные паттерны, шаблоны или обыкновенные функции. Лишала их всякой индивидуальности и превращала в понятные только ей мешки с костями.

Вон там, у барной стойки, стоял Картер Бронсон, будущий сенатор штата, если верить его отцу. Многие готовились к его выборам заранее и вокруг него уже собралась определенная группа почитателей. Сейчас он целовался со своей светловолосой девушкой, той ещё сногсшибательной красоткой в белом платье, которая не замечала, что другой рукой он жадно сжимал бедро брюнетки в красном. Мэл знала, что он изменял ей. Да что там, все знали это. А еще ходили слухи, что тренер как-то застукал его в душевой с парнем из команды по плаванию, но это дело быстро замаяли, позволив Картеру продолжить играть в гетеросексуала сейчас и идеального политика в будущем.

Дальше, на диване напротив, гордо восседала Изабелла Хартфорд, наследница модной империи. Красивая обладательница болезненно худой фигуры с выпирающими ключицами и с запавшими синими глазами, которые не отрывались от столика с едой и пищей в руках говорившего с ней парня. Потом парень оставил её одну, и она подошла к столу, взяв в руки кусок пиццы, который понюхала, а после поставила обратно. Потом снова взяла. Снова положила. Классическое расстройство пищевого поведения. Девушка, у которой было абсолютно всё, не могла позволить себе съесть кусок пиццы без ущербного чувства вины.

А вот тот парень в углу, с пустым взглядом и дёргаными движениями, был капитан хоккейной команды. Мэл не помнила его имени. Знала только, что его отец известный филантроп, который спонсировал наркологические клиники. Ирония судьбы: сын богача, борющегося с наркозависимостью, сам сидел на жёстком кокаине. Но пока отец продолжал покрывать его срывы, оплачивать команду адвокатов и замазывать скандалы, всё было в порядке.

К чему же она вела?

К самому простому выводу, все, абсолютно все они были сломаны.

Каждый человек в этой комнате нёс за собой багаж травм, зависимостей и комплексов, лекарство от которых не могло купить ни одно ухищрение богатых мамочек и папочек. Потому что речь шла не о новой машине или брендовой вещи, а о смысле их существования.

Ведь, если подумать, в чем оно вообще заключалось?

Трахались они с кем попало, а всё из-за раздиравшего изнутри отчаяния. Пили и кололись они не ради веселья, а чтобы заглушить ту жужжащую, гнетущую пустоту внутри, которую не могли назвать, но постоянно чувствовали. Улыбались они только для поддержания вида, что счастливы, но глаза при этом имели мёртвые.

Мэл видела их насквозь.

И вызывало это не сочувствие, а ледяное презрение.

Потому что они сами погрязли в этих проблемах, хотя у них был выбор. У них были деньги, связи, тысяча разных возможностей. Они могли пойти к лучшим психологам или клиники и получить взамен лучшую помощь. Но вместо этого они топили свои проблемы в алкоголе, сексе и наркотиках, а всё, потому что так было проще. Всё, потому что никто не говорил этим избалованным придуркам «нет».

А у Мэл выбора не было.

Она выживала, потому что другого варианта не было. Она работала, потому что иначе — голод. Она училась, потому что иначе — возвращение к отцу. У неё не было роскоши ломаться. Не было денег на терапию, на реабилитацию, на «поиск себя». Мэл была сильной, ведь мир заставил её такой быть.

И эти жалкие, избалованные, напуганные дети богачей, которым заботливые родители или ещё более лизоблюдные нянечки с детства подтирали зад крупными банкнотами, осмеливались *жалеть* её. Осмеливались смотреть сверху вниз и видеть существо низшего сорта.

Ебанные паразиты.

Когда её терпение окончательно лопнуло, когда воздух в помещении стал слишком густым и липким от их смеха, их запахов, одного их *присутствия*, Мэл поднялась с дивана.

Мир в ту же секунду качнулся и ноги невольно подогнулись. Она схватилась за спинку дивана, удержав равновесие из-за кружащей головы. Бренди оказался сильнее, чем она думала. Наверное, не стоило так много пить, эскапизм вреден, когда его смешивают с алкоголем.

— Куда ты? — окликнула её надувшая губки Тиффани.

— Подышать, — буркнула Мэл и протиснулась сквозь толпу, ловя на себе их любопытные взгляды и обрывки спутанных разговоров:

— Это кто?

— Курьерша. Тиффани притащила для развлечения.

— Ну и жёсть.

Шатаясь, она прошла мимо кухни, где кто-то делал коктейли, мимо коридора и парочки, целующейся прямо у стенки, и с большим облегчением вышла на балкон. Музыка здесь была тише и одной этой мелочи было достаточно, чтобы утихомирить всех её демонов.

Мэлори сделала глубокий вздох, а за ним ещё несколько. Лёгкие жадно хватали кислород, остужая разгорячённую голову и принося какой-никакой, но порядок в мысли.

Успокоившись, она подошла к балюстраде и оперлась на её перила руками, с комфортом подавшись вперёд, чтобы опустить голову и посмотреть на пол под ногами. Бетон был чист и заботливо подметён обслуживающим персоналом. Даже здесь, на балконе, не было ни единой пылинки. Почему-то это разозлило её ещё сильнее.

— Ебанные паразиты, — прошептала она в ночную темноту.

А потом, снова, но громче:

— Какие же они все сломанные.

Голос её охрип от усталости и алкоголя в теле.

— Покупают себе иллюзию жизни за папины деньги, — продолжала она, разговаривая сама с собой. — А внутри — экзистенциальная дыра размером со всю нашу блядскую вселенную. О, и, конечно же, трахают всё, что движется, в отчаянной попытке почувствовать себя живыми.

Мэлори замолчала, прислушиваясь к собственному дыханию и гулу ночного города, закончив едва слышимым и обращённым к себе:

— Жалкое зрелище.

Она не ожидала ответа, так как думала, что одна.

Но тут, слева от неё, раздался резкий вздох. Без испуга, что было примечательно, скорее с намёком на искренне изумление.

Мэл дёрнулась и рывком выпрямила спину, оборачиваясь в сторону звука и впиваясь руками в перила, чтобы позорно не грохнуться наземь.

В углу балкона, прислонившись к стене и почти сливаясь с тенью, стоял человек.

Черт, сколько он здесь? Сколько уже услышал?

Ворох беспокойно сменяющих друг друга мыслей иссяк, потому что он шагнул вперед под полоску света, льющегося из окна коридора, предоставив вид на его лицо.

Первой мыслью было: ангел.

Второй: *падающий* ангел.

Парень был высоким, по крайней мере точно под метр девяносто, с телосложением пловца или теннисиста, но не как у перекаченного качка, а какое бывает только у изящного атлета. Темный костюм сидел на нем идеально, но общий официоз портило отсутствие строгого галстука или бабочки, придавая образу больше легкости и дыхания двумя расстегнутыми первыми пуговицами, что приоткрывали вид на ключицы.

Но главным был не его наряд, хотя, право слово, Мэл всегда считала, что богатую нечисть украшает исключительно их наряд, а не наоборот. Главным достоянием ожившей напротив неё скульптуры были волосы цвета платины, аккуратно уложенные назад, приоткрывая вид на такой же идеальный лоб, и лицо. Это, наверное, была та самая искусственно выведенная красота, которая встречается один раз на миллион, либо которую покупают за эти самые миллионы у самых гениальных пластических хирургов. Вот только лицо, которое смотрело на нее сейчас, мозоля глаз высокими скулами и тонкими устами, было слишком безупречным, чтобы быть просто искусственным.

Казалось бы, бог или дьявол уже должны были устать от совершенства сотворенного ими создания, но вскоре Мэл наткнулась на его глаза и что-то в её грудной клетке сжалось. Глаза у него были цвета арктического льда. Такого капризного прозрачно-голубого цвета с холодным, пронзительным светом в их глубине, который поглощал все живое.

— Интересная теория, — наконец произнес он, первым оборвав возникшее между ними напряжение.

Голос у него был низок и сквозил едва уловимой насмешкой. Британский акцент? Нет, тут уж скорее удружило дорогое образование в частных школах Новой Англии.

— Не думал, что услышу столь... проницательный социологический анализ на вечеринке Тиффани. Обычно здесь обсуждают последние сплетни из «Инстаграма» и то, кто с кем спит.

Сердце ни на секунду не замедляло свой ритм, вторя сигнализирующей по всему телу тревоге: опасность, опасность, опасность. Инстинкты призывали её бежать сломя голову, если жизнь дорога.

Мэл прекрасно знала, как работает пьяный женский мозг в компании красивого парня, а потому не убежала.

Это просто банальная химия тела. К сожалению, у женщин против неё нет иммунитета.

— Давно стоишь там? — вопрос, наверное, прозвучал слишком резко.

— Достаточно, чтобы услышать про экзистенциальные дыры и отчаянную попытку почувствовать себя живыми, — сделал затяжку от зажатой в руке сигареты, не отрывая от неё цепкого взгляда. — Ты права, кстати.

Ладно, это был не тот ответ, который она ожидала.

— Что?

— Ты права, — повторил он, подходя ближе плавной, почти кошачьей поступью. — Они все сломанные и играют свои выдуманные роли. И каждый из них пытается заполнить свою пустоту чем только придется: наркотиками, сексом, алкоголем, адреналином. Возможностей много, — остановился в нескольких дюймах от нее, прижавшись спиной к перилам. — Ты довольно наблюдательна.

Мэл не знала, что сказать. Обычно, когда богатые детишки сталкивались с критикой в собственный адрес, они либо взрывались праведным гневом, либо игнорировали. Согласие было... редкой, а оттого и неожиданной вещью.

— Кто ты? — наконец спросила она.

Мгновение молчания, а следом снисходительный смешок:

— Блейк Хоторн. Пятый, если хочешь полную версию. Звучит как болезнь, не находишь? *Хоторн*.

Перед ней стоит Хоторн.

Член семьи, чьё имя было на всех крупных зданиях, благотворительных фондах и половине крупных корпораций Нью-Йорка. Наследник империи, о котором почти во всех деловых журналах писали не иначе как о «будущем титане бизнеса».

— А ты ведь не была в списке гостей Тиффани, — с холодным любопытством наклонил голову набок Блейк. — Я бы запомнил, — секундная пауза и смешок. — Позволь угадать. Курьер? — льдистые глаза небрежно скользнули по её форме и логотипу пиццерии на куртке. — Что, остаться заставили?

— Не твое дело, — на автомате огрызнулась Мэл.

Но он лишь тихо рассмеялся.

— Точно заставили, — сделал еще одну затяжку. — Тиффани обожает коллекционировать такие... диковинки из людей, которые не вписываются в её мир. *Экзотика*.

Мэл раздраженно сжала кулаки.

— А ты что здесь делаешь? Тоже ищешь в свою коллекцию интересную диковинку?

— Я? — затушив сигарету о перила, Блейк бросил окуроч в пустоту ночного города. — Я просто скучаю. Все эти вечеринки замкнулись в одной единственной точке. Одни и те же лица, одни и те же разговоры, одна и та же предсказуемость, — его взгляд снова встретился с её. — А потом появляешься ты и называешь их всех сломанными паразитами. Освежающе.

Она не поверила ему. Ничто в её жизни не готовило её к тому, что кто-то из их мира разделит с ней свою точку зрения.

— Чего ты хочешь? — прямо спросила Шоу.

— Прямо сейчас? Просто поговорить. С кем-то, кто не задаст мне вопрос о том, где я купил свой костюм, и не пытается соблазнить меня в надежде на ещё одно кольцо с бриллиантом в свою шкатулку, — одарил он её странной заинтригованной улыбкой. — Ну же, поделись своими трудами о теории экзистенциальных дыр. Мне интересно.

И она, к своему собственному удивлению, всерьёз рассказала.

Может быть, это было влияние алкоголя. Может быть, обыкновенная усталость. Может быть, почти забытое ощущение ведения разговора, где на тебя смотрят как на человека с собственным мнением, а не случайно забредшего курьера.

Но разговор с Блейком принес ей свою долю удовольствия. Они обсудили философию отчуждения, о том, как деньги создают иллюзию бессмертия, о том, что счастья как такового нет и богатство лишь меняют природу человеческого несчастья.

Блейк, к ее легкому разочарованию, оказался... умен. Он цитировал Камю и Сартра, говорил о Ницше и декадансе. И все это было так странно — стоять на балконе с кем-то из мира, тех кого она так презирала, и обсуждать структуру экзистенциализма, что она даже подумывала о следах галлюциногенных препаратов, которые подружки Тиффани могли подсунуть в её пойло.

В какой-то момент Блейк ушел из балкона и вернулся с бутылкой виски и двумя стаканами. Налил он его сначала для неё, а уже потом для себя.

Мэлори не поняла, когда окружающая тишина стала настолько полной. Когда шум вечеринки, выступающий на заднем фоне, схлопнулся и растворился в таком подозрительном, но

блаженном ни-че-го. Просто в один определенный момент она перестала слышать что-либо, кроме своего дыхания и смеха Блейка рядом.

И это было очень странно. До жути неправильно. Но так приятно.

Она сделала ещё один горький глоток виски, чувствуя, как мир вокруг неё мягко покачивается как на детских качелях.

— Ты знаешь, что самое смешное? — вдруг спросил Блейк над её ухом, хотя она не помнила, когда он к ней подвинулся, ведь Мэл точно бы его оттолкнула. — Сегодня полнолуние. Посмотри.

Мэл послушно подняла голову.

Луна действительно была полной и висела над городом как гигантский серебряный диск и то ли от количества выпитого, то ли от игривости её настроения, но ей почему-то показалось, что луна упала прямо на голову Блейка и запуталась в его платиновых волосах, превратив их в жидкое серебро.

Это было красиво. Жутко, но красиво.

Она должна была сказать ему об этом. Вдруг это признак прихода НЛЮ?

— Ты похож на луну, — слова показались ей до одурения смешными, и она *хихикнула*. Но Мэлори Шоу *никогда* не хихикала. — Или... или это луна упала тебе на голову. Ты сам весь такой... лунный.

Блейк ответил ей теплым смехом. Не тем холодным, издевательским смехом, который она привыкла слышать от богатых. Этот был настоящий. Этот был искренний. Этот был... несправедливо славным.

— Я похож на луну? — голос его тоже звучал откуда-то издалека, словно доносился из-под толщины воды. — Это самый странный комплимент, который я когда-либо слышал.

— Потому что это не комплимент, — попыталась возразить Мэл, но слова путались друг с другом, не желая складываться в единое целое. — Просто... наблюдение. Ты холодный и... очень красивый. Как луна. Знаешь, такая... мёртвая красота.

— «Мёртвая», — задумчиво протянул он, приблизив своё лицо. Когда это произошло? Она не видела, чтобы он двигался. Просто в одну секунду Блейк возвышался над ней высоким исполином, а в следующую дышал в нескольких сантиметрах от её губ. — Тогда ты права. Мёртвая красота для мёртвого мира.

Мэл хотела ответить чем-то умным и саркастичным. Она умела это. Быть колючей и острой словно пустынный кактус. Но в следующий момент его рука коснулась её щеки, и все построенные ей щиты рассыпались подобно песку. Прикосновение его холодных пальцев к щеке стало утешающим компрессом от горячки.

— А у тебя глаза... — начал Блейк, так пристально в неё всматриваясь, что Мэл предательски почувствовала, как краснеет. Или это виски разогнал кровь в её жилах? — ...серые. Как сталь. Или буря. Я ещё не решил.

Мэл хотела отстраниться, но тело не слушалось, ведь ноги совсем ослабели.

И тогда он поцеловал её.

Мэлори даже не смогла осознать, как именно это случилось. Его губы просто прижались к её, отрезая от всего мира, от всех её сомнений, от всех её чувств. Они были, на удивление, мягкие, наверное, он пользовался гигиенической помадой, потому что на них сохранился привкус мяты. Мэл знала это, так как сама пользовалась такой же, хотя её версия стоила полтора доллара на кассе в супермаркете. Пахли они при этом виски и настойчиво прижимались к её рту.

Первая мысль, которая вспыхнула в её начавшем усиленно работать мозгу: это неправильно. Вторая: это не так мерзко, как рассказывала Эмилия Доунсон после игры в бутылочку в седьмом классе.

Сама Мэл прежде никогда не целовалась. Во-первых, незачем, во-вторых, любившая важничать Доунсон с уверенным видом заявляла подружкам, что это отвратительно. А потому она не знала, что ей вообще следовало делать и просто застыла на одном месте живым изваянием.

Почувствовав это, Блейк усмехнулся в её губы и прошептал ласковое:

— Расслабься, Волчонок. Это просто поцелуй.

Просто поцелуй.

Просто поцелуй.

Просто поцелуй.

Мэл сглотнула скопившуюся во рту слюну и попыталась расслабиться. Забыть о том, почему её сердце так быстро стучало, а что-то внутри категорично отторгало такого рода «просто». В конце концов это был всего лишь физиологический контакт. Ничего особенного. Миллионы людей целовались друг с другом каждый день.

Когда губы Блейка снова прижались к её собственным, она прикрыла глаза.

И тогда мир шелкнул.

Щёлк.

Она висела на плече Блейка (и когда только оказалась на нём?) и хихикала, как какая-то идиотка, забыв про время и место, доверчиво уткнувшись лицом в его костюм, который пах виски и дорогим парфюмом.

Перед ними стояла Тиффани, чьё лицо выражало целую гамму эмоций: удивление, возмущение или даже злость. А может зависть? Мэл не могла всё разобрать, так как мир перед глазами расплывался на части.

— ...уходите? Но вечеринка же только началась! — обиженно пробормотала Тиффани. — Блейк, я думала, ты останешься. Ты же обещал...

— Я ничего не обещал, Тифф, — спокойно осадил её Блейк, обнимая Мэл за талию и не давая упасть. И когда она стала такой слабой? — Но вечер оказался интереснее, чем я ожидал. Спасибо за гостеприимство.

— Н-но... — во взгляде Харрингтон, обращенном к пьяной однокурснице, была такая ненависть, что пробилась даже сквозь алкогольный дурман. — Блейк, она же... она же просто курьер. Она...

— Она со мной, — оборвал ту Блейк. — И это всё, что тебе нужно знать.

Мэл почему-то показалось это невероятно смешным. Она снова захихикала, уткнувшись Блейку в плечо.

— У неё ногти, как у Росомахи, — пробормотала она, некрасиво тыча пальцем в Тиффани. — Видел? Такие длинные... Ей должно быть с ними неудобно... Вытирать задницу, например, точно нельзя без боли.

Блейк от души рассмеялся. Тиффани же только побледнела.

— Пошли отсюда, Дикарка, — ласково сказал он, направляя Мэл к выходу. — Пока ты не сказала что-нибудь ещё более оскорбительное.

Щёлк.

Заднее сиденье машины и кожа под её спиной... такая мягкая и приятная. Мэлори лежала на ней, раскинув руки, и любовалась потолком автомобиля. Салон был огромным и пах кожей и тем самым ароматом, который преследовал Блейка.

Запах денег.

— ...так пахнет, — пробормотала она, поворачивая голову. Дверь была открыта, впуская ветер, что трепал ей волосы, из-за чего они липли к её носу, глазам и рту. Где они? Мэл даже не заметила, когда они сели в машину и уж тем более приехали куда-то. — Твоя тачка так приятно пахнет, Бле-е-ейк.

Высокий силуэт Блейка тут же появился в дверном проеме, освещённый уличным фонарем, и он со смешком наклонился, протягивая ей руку.

— Вставай, — позвал он её. — Нельзя спать в машине.

— Не хочу, — попыталась отмахнуться Мэл, но он поймал её запястье и аккуратно потянул вверх, не давая вырваться.

Она неохотно поднялась и тут же пошатнулась на месте, раздражённо думая о том, что именно поэтому и не хотела никуда идти, но Блейк проворно подхватил её за талию, помогая выбраться.

— Почему так приятно пахнет? — спросила Мэл, когда они пошли куда-то, она не понимала куда, поэтому просто тупо переставляла ноги, опираясь на него всем своим весом.

— Потому что машина пахнет деньгами, — снисходительно поведал он. — Ты же сама это говорила.

Она что, брякнула это вслух? Господи, она действительно пьяна.

— Я обожаю деньги, — серьёзно заявила Мэл в свою защиту. Она правда их обожала. Не за то, что они давали, а за свободу, которую обещали взамен каторжному труду. — Если бы у меня были деньги, я бы... я бы никогда не вернулась домой. *Ни-ког-да*.

— Тогда не возвращайся, — просто ответил Блейк.

Мэл хотела объяснить, что не всё так просто. Что нельзя просто «не возвращаться», когда у тебя нет средств. Что нельзя сбежать от прошлого, когда оно буквально вшито в твою ДНК. Но слова отказывались складываться воедино.

Язык был тяжелым, а тело таким лёгким.

Щёлк.

Номер отеля.

Но когда они попали в отель? Мэл не помнила. Помнила только лифт с зеркалами, где она показала язык своему отражению под смех Блейка, высунувшего свой в ответ, подмигивая её двойнику, и длинный коридор с мягким красным ковром под ногами.

Сейчас она сидела на краю огромной кровати, пока Блейк стоял перед ней на коленях, снимая с её ног кеды. Это было... странно, потому что он выглядел как принц из сказки, который снимает туфельку с Золушки. Только Мэл не была Золушкой. Она была грязной, измученной, пьяной девчонкой из трейлерного парка.

— Ты... как слуга, — пробормотала Мэл и поразилась своей шутке. Она снова рассмеялась, но на этот раз смех прозвучал как-то особенно надломлено. — Золушка-наоборот. Принц снимает туфли у... а у кого?

— У Золушки-курьера, — Блейк снял один кед, а следом второй, после чего поставил их рядом с кроватью, и его пальцы коснулись пуговицы на её джинсах. — Лежи тихо, Золушка. Тебе надо *раздеться*.

«Раздеться».

Это слово эхом отозвалось в её затуманенном от алкоголя мозгу.

«Раздеться».

Почему он её раздевает?

«Раздеться».

Она не хочет оголяться.

— Зачем? — неуверенно спросила Мэл.

Блейк поднял на неё нечитаемый взгляд. В полутьме огромного номера его глаза, казалось, поглотили все источники света и сами стали двумя маленькими голубыми фонариками, почти нечеловеческие в своём сиянии.

— Потому что ты не можешь спать в одежде, — да, в этих словах была своя логика. В джинсах спать было неудобно. Он был прав. Блейк вообще был довольно умным парнем, она ведь уже думала об этом, да? — Позволь мне позаботиться о тебе.

Никто никогда не заботился о ней. Значит, это звучало... хорошо? Или опасно? Мэл затруднялась дать точный ответ. Наверное, потому что была пьяна. *Пьяна-пьяна-пьяна*. Так что ты делаешь?

Она не сопротивлялась, когда он расстегнул вторую пуговицу и потянул вниз молнию, начав стягивать с её бёдер джинсы. Её успокоило, что он не одаривал её ноги вожающим взглядом и не облизывал губы в возбуждении, просто снимал одежду, как снимала бы медсестра в больнице.

Через минуту джинсы упали на пол и Мэл осталась в одной футболке и старых хлопковых трусах. Ничего сексуального или красивого, отчего она вдруг почувствовала едкий стыд. Что она делает? Почему позволяет ему смотреть на её старые трусики?

— Я должна... — нервно сглотнув, попыталась встать девушка, но Блейк положил свои руки ей на плечи и мягко надавил, возвращая обратно в постель.

— Ты должна отдохнуть, — твёрдо приказал он. — Ляг.

И Мэл легла, потому что сопротивляться этому успокаивающему, бархатному голосу было слишком тяжело. Подушка под её головой тоже призывала откинуться на неё и вдохнуть аромат лаванды. Потолок над ней стёр все лишние мысли, заменив их пустым белым цветом.

Блейк на мгновение исчез из поля зрения. Мэл слышала шорох ткани, звук расстёгивающегося ремня, из-за чего её тело мгновенно напряглось, превратившись в натянутую струну. Тело помнило этот звук ремня лучше, чем разум.

Но удара, к её удивлению, не последовало. Была только тишина. А потом, матрас рядом с ней провалился из-за веса чужого тела.

Мэл повернула голову и увидела над собой Блейка, смотрящего на неё сверху вниз в расстёгнутой рубашке, обнажавшей точёную грудь и бледную кожу. Платиновые волосы растрепались, может, потому что он провел по ним рукой, и теперь падали ему на лоб, что делало его похожим не на мраморную статую, а человека.

Это было плохо.

Люди были опаснее гротескных статуй.

— Ты красивая, — тихо признался он, благоговейно касаясь её лица пальцами, которые прочертили линию от виска к подбородку. — Даже в этой отвратительной футболке. Даже с этим взглядом загнанного зверька. Может, именно из-за него и красивая.

— Я не красивая, — возразила Мэл. Она никогда не считала себя красивой. У неё не было нежных черт и мягкости, которая присуща всем девушкам. Только неприятные углы, острые скулы и жёсткая линия челюсти. — Я... обычная.

— Нет, — Блейк наклонился так близко, что его лицо оказалось в нескольких сантиметрах от её собственного. — Ты дикая. И это просто прекрасно.

Он поцеловал её снова, но в этот раз поцелуй был не таким мягким, как в первый. Этот был настойчивым, требовательным, в чем-то даже жестким. Этот говорил, что время игр закончено. Его язык уверенно проник в её рот, и Мэл издала удивлённый звук. Не от отвращения, хотя оно уже подкрадывалось и дышало ей в затылок, а потому что это было странно — чувствовать чужой язык, чужое дыхание, чужой вкус.

Как поглощение компании, только там сотрудники обычно против перемен, против нового руководства, против вмешательства в их работу. А её тело сейчас было очень даже «за». Воздух в лёгких заканчивался, но был рад закончиться. Губы горели так, будто их ошпарило огнем, но хотели обжечься его губами. Даже язык и тот робко касался его, пытаясь исследовать и ощутить тот в ответ. Какую премию он выписал её чувствам? Что за хитрые манипуляции провернул за её спиной?

Его руки скользнули под её футболку, касаясь живота и Мэлори в ту же секунду переключилась на новую точку, которую он приватизировал себе. Они тоже были тёплыми или это она была холодной? Всё так смешалось...

— Блейк, — задыхаясь от жажды, выдавила она из себя, когда он оторвался от её губ, переключившись на шею. — Я не... я никогда не...

— Знаю, — прервал он её, целуя сладкое местечко под её ухом. — Все хорошие девочки девственницы.

Мэл хотела возразить, что она не была хорошей.

Она не навещала мать уже два года, потому что боялась отца. Она всегда жалела денег на пожертвования любого рода, будь то больные дети в Африке или бездомный на улице. Однажды она даже не вернула в школьную библиотеку взятую оттуда книгу, потому что не было денег на собственную.

Но он снова сумел эффектно заткнуть её тем, что стянул с неё футболку одним слитым движением, отчего Мэлори осталась в старом, растянутом лифчике вылинявшего сиреневого цвета, который когда-то был ярким. Он даже не подходил ей по размеру и немного жал косточками.

— Не смотри, — жалобно застонала она, пытаясь прикрыться руками.

Но Блейк раздражённо отвёл её руки, прижав к кровати по обе стороны от её головы, и, чёрт его побери, *смотрел*, изучал, смаковал с каким-то болезненно жадным выражением лица.

— Нет, я хочу видеть *всё*.

Он неловко расстегнул её лифчик, приложив немного усилий для этого простого действия, потому что старая застёжка противно заедала, и обнажил её грудь. Мэл закрыла глаза, не желая видеть его реакцию. Её грудь была небольшой, со светло-коричневыми сосками, которые сейчас сжались в две твёрдые точки.

«От холода», — подумала Мэл.

А потом его рот накрыл один из сосков, и Мэлори, забыв про холод, выгнулась так, что задохнулась от нахлынувших чувств. Это было... не больно. Не неприятно. Скорее странно и остро, если такое слово вообще применимо к тому, что твой сосок внезапно оказался внутри чьего-то рта.

— Что ты делаешь? — выдохнула она.

— Развлекаюсь, — усмехнулся Блейк, переключаясь на второй сосок, посасывая и покусывая уже его, отчего Мэл почувствовала, как что-то внутри неё сжимается и тянется вниз дальше её живота. — Тебе не нравится?

Нравится ли ей? Сложно было сказать наверняка. Мозг говорил: опасно, неправильно, уходи. Тело говорило: приятно, больше, не останавливайся.

Приняв молчание за согласие, Блейк отпустил её грудь и спустился ниже, к животу. Его руки скользнули к её бёдрам, обхватили их и развели в стороны.

Мэл задохнулась:

— Б-блейк, погоди...

Он не ждал.

Не ждал.

Его губы прижались к внутренней стороне её колена в таком нежном и ласковом жесте, что она подавилась вдохом. Он медленно продвинулся дальше, поднимаясь вереницей коротких поцелуев всё выше — к бедру.

Когда он добрался до края её трусиков, её сердце стучало так громко, что грозило вот-вот выпрыгнуть наружу.

— Ты такая напряжённая, — пробормотал Блейк, проводя пальцем по влажному пятну на тонкой ткани. Мэл дёрнулась, пытаясь сжать бёдра, но хватка другой его руки сжалась крепче. — Расслабься.

Как она могла расслабиться, когда она запуталась в том, где заканчивается она и начинается он? Это всё было слишком неправильно.

Неправильно-неправильно-неправильно.

Блейк стянул с неё трусы, оставив её полностью обнаженной. Это сделало её уязвимой. Это заставило её вспомнить про беспомощность слабой женщины перед сильным мужчиной.

От отчаяния Мэлори закрыла лицо руками, не в силах вынести его взгляда.

— Не прячься, — его голос стал жёстче. — Я же сказал, что хочу видеть тебя.

Он оторвал её руки от лица, вынуждая разлепить веки и увидеть над собой скульптурное тело Блейка. Он уже был обнажен, заставив её растеряться от мысли: когда он только успел раздеться? И смотрел на нее с чем-то похожим на голод. Даже не желание, как таковое, а горячую, тёмную жадность.

Мэл сморгнула выступившие в уголках глаз слезы и подумала о том, что он похож на павшего ангела.

Красивого и ужасающего одновременно.

— Я буду осторожен, — пообещал он, устраиваясь между её ног. — Но в первый раз всегда больно.

Мэл хотела сказать: *стой, стой, ублюдок, стой*. Но слова застряли в горле, погребённые той какофонией чувств, варившихся внутри неё, и вместо них наружу вырвался только тихий всхлип.

В следующий миг он вошёл в неё, и мир разорвался на «до» и «после».

Потому что киноплёнка этого вечера наконец порвалась.

Звуки окружающей реальности вонзились в её череп не плавно, а резко и болезненно, как громкий скрип кровати под ней. И конечно же, боль. Внезапная, острая, разрывающая боль внизу живота.

Из горла вырвался сырой и животный звук.

— Тсс, — Блейк замер, давая ей время привыкнуть, проворковав нежное. — Дыши, Волчонок. Не забывай дышать.

Но Мэл не могла дышать. Она могла только тихо и беззвучно плакать, отчего слезы стекали по её вискам к волосам или в уши, щекоча кожу. Тело восстало против этой боли, и каждая мышца заверещала в один голос: неправильно, неправильно, неправильно.

Это был её первый раз.

Мать говорила, что первый раз должен быть строго после свадьбы.

Она думала, что из-за своего дрянного характера останется девственницей на всю жизнь.

Как Артемида. Как Афина. Как Атланта.

Мэл *была* девственницей.

Она пыталась сфокусировать взгляд на Блейке, что возвышался над ней с прилипшими ко лбу прядями волос, приоткрытым от наслаждения ртом, из которого вырывалось тяжелое дыхание. Он находился внутри нее. Боже, этот парень внутри неё и это так больно, что ей казалось, будто её влагалище разрывали на части.

Мэлори попыталась отстраниться и оттолкнуть его, но тело не слушалось.

— Больно, — со всхлипом выдавила она. — Мне больно, пожалуйста...

— Я знаю, детка, я знаю, — толчки были короткими и медленными, но каждый всё равно отдавался режью. — Но ты такая узкая. Боже, такая узкая. Ты даже не представляешь, как прекрасна сейчас, — гортанный, низкий стон. — Я обожаю девственниц за эту узость. За то, что ты моя девочка.

Скрип. Толчок. Боль.

Скрип. Толчок. Боль.

Скрип. Толчок. Толчок. Толчок.

Ритм этих движений ускорился и становился жестче. Однако боль больше не была такой острой, просто тупой и всепоглощающей, пока Мэл лежала под ним, чужая душа в собственном теле, и смотрела в потолок, растворяясь в этой белизне, чтобы не думать о том, что происходит с её телом.

Ещё один хриплый стон и Блейк содрогнулся внутри, так сильно впиваясь пальцами в её бедра, что утром на них, наверное, останутся синяки (если доживет до завтра, если это не сон, если это реальность). Его лицо исказилось в экстазе, глаза плотно закрылись, и он замер, давя своим весом, когда прижался лицом к её плечу.

Скрип исчез, осталось только их сорванное дыхание. Только стук её сердца, такой громкий, что, наверное, эхом разносился по всей комнате.

А потом Блейк лениво приоткрыл глаза и посмотрел на нее, подарив довольную улыбку.

— Ты была права, — небрежно провел губами по её мокрой щеке, останавливаясь на лбу, поцеловав его так, как целовал любимую девочку. — Я мёртв. Но сейчас... сейчас я чувствую что-то живое. Спасибо тебе, Мэл.

Он выскользнул из нее, что отразилось на ней ещё одной вспышкой боли, и откатился на бок, рухнув на кровать рядом с ней.

Мэл осталась неподвижно лежать на своем месте, чувствуя, как из неё вытекает что-то тёплое и липкое, пачкая простыни. Кровь? Наверное. В первый раз всегда остаётся кровь. Это нормально, так происходит с каждой.

Только вот сейчас ей ничего не казалось нормальным.

Глава 2: часть 1

— *Какой твой любимый цвет?*

— *Белый. Цвет чистоты и грязи одновременно.*

— *Почему грязи?*

— *Белый цвет всегда хочется запачкать.*

Блейк Хоторн

Первым, что она почувствовала при пробуждении, был холод.

Но не тот приевшийся холод утреннего воздуха в общежитии, потому что её соседка любила проветривать комнату с самого утра. Этот холод шел изнутри, словно кто-то выпотрошил её внутренности и оставил после себя лишь мешок с костями, который когда-то принадлежал человеку.

Вторым ощущением стала боль.

Тупая, ноющая боль между ног, которая обострялась при малейшем не так сделанном движении. Отвратительнейшее давление на голову, смыкающееся вокруг её лба тугим обручем. И болезненная сухость во рту, что за ночь, казалось, иссушила её до состояния засохшего овоща.

Мэл медленно приоткрыла глаза, промаргиваясь от ослепляющего дневного света, упервшись взглядом в высокий белый потолок. Потолок *неё* комнаты.

«Молодец, капитан очевидность», — съязвила она в мыслях, оглядываясь. — «Может, теперь вспомнишь, где ты?».

Номер, в котором она оказалась, был просторным, площадью с её комнату в общежитии, только умноженную на три, а может, и на четыре раза. Мебель выглядела так, будто сошла со страниц журнала об интерьерном дизайне для миллионеров. Хрустальная люстра наверху, коричневое кожаное кресло у окна, а рядом торшер с абажуром из матового стекла.

Обычный гостиничный номер. Поправка, очень и очень *дорогой* гостиничный номер.

Мэл прекрасно знала о существовании таких номеров, так как видела фотографии в статьях о том, как живут богатые. Пятизвездочный отель «Астория Гранд», в самом центре города, где одна ночь стоила больше, чем она зарабатывала за месяц на всех трех работах вместе взятых.

Она попыталась сесть и тело тут же дало о себе знать новой волной боли внизу живота. Не острой, но достаточно раздражительной, чтобы напомнить о том, что произошло. Она застыла на локтях, чувствуя, как на внутренней стороне бёдер тянется что-то липкое и неприятное, отчего её рука торопливо сдернула с неё одеяло.

Вниз смотреть не хотелось, дабы подтвердить то, что уже и так было понятно, но взгляд всё равно скользнул ниже, наткнувшись на...

Красные пятна.

Небольшие, но ярко бросающиеся в глаза из-за безупречной белизны простыней, они были тёмно-бордовыми по краям и более яркими в центре, идеально представляя собой *её* кровь.

Мэл машинально протянула руку и коснулась бедра. Подушечки пальцев огладили коричневые разводы с чем-то ещё более отталкивающим, что так настойчиво липло к коже. Наверное, сперма.

Её кровь, смешанная с чьей-то спермой. Ну просто идеальное сочетание.

Она подавилась не то смешком, не то всхлипом.

— Блять.

В пустоте роскошного номера ругательство прозвучало слишком реально, а оттого и ещё более мерзко.

— Блять. Блять. Блять.

Она по пьяни потеряла девственность с парнем, чьего лица даже не запомнила. Хотя нет, помнила. Как *такое* не запомнишь? Помнила его арктические глаза, его идеальные черты лица, его холодную улыбку. И не могла даже найти в себе сил злиться на то, что повелась на эту симпатичную мордашку.

А затем её взгляд случайно зацепился за прикроватную тумбочку, где лежал конверт.

Белый, толстый конверт из довольно качественной бумаги с пафосным тиснением по краям. Подарочек от персонала отеля? За ночь в таком месте должны дарить и не такие сюрпризы.

Мэл неуклюже подползла на кровати (прошедшая ночь давала о себе знать) и взяла конверт плохо слушающимися хозяйку пальцами, с удивлением отмечая его вес.

Слишком тяжёлый для простой записки.

Когда она открыла его, на кровать высыпалась целая пачка стодолларовых купюр. Новенькие, хрустящие банкноты со свежим запахом. С минуту Шоу просто тупо тарасилась на них, пытаясь подсчитать сумму.

Десять... двадцать... тридцать.

В итоге три тысячи долларов.

Это точно были не деньги на такси. Это была... плата.

Внутри конверта лежала записка с текстом, выведенным аккуратным, каллиграфическим почерком:

«За мидзуагэ. Японские гейши получали щедрое вознаграждение за первую ночь. Ты заслужила не меньше».

Мэл перечитала записку целых три раза, прежде чем переварила её смысл.

«Мидзуагэ», блять.

Значение данного термина не было для неё секретом, помнится, читала в какой-то книжке о японской культуре, которую взяла в библиотеке, когда писала реферат о культурных различиях в деловой этике. Мидзуагэ — это ритуал дефлорации гейши, когда богатый покровитель платил огромные деньги за право быть её первым мужчиной. Красиво упакованная проституция, которую уважали и соблюдали ровно до запрета проституции в Японии.

Чёртов Хоторн заплатил ей за девственность.

Из её горла вырвался сухой, истеричный смех, совсем не похожий на обычный саркастичный смешок, которым не гнушалась Мэл. Этот был похож на звук ломающейся ветки. Такой же резкий и неприятный, потому что она не могла совладать с ним.

Разозлившись, девушка зажала себе рот ладонью, заставляя себя наконец замолчать.

Три тысячи долларов всё ещё лежали перед ней грязной кучей, и какая-то извращённая, прагматичная часть её мозга уже начала подсчитывать их.

Это была аренда общежития на целых три месяца. Это была еда, потому что она, увы, не превратилась в создание ночи, живущее на и то более доступной крови. Это были учебники на следующий семестр. Это была возможность уволиться хотя бы с одной из подработок и спать больше пяти часов в сутки.

Это была цена её первого раза.

— Ну что же, — через силу утешила она себя. — По крайней мере, я дорого продалась.

Едкая правда в этих словах уколола её язык, но Мэлори не хотела её отрицать, какой бы мерзкой та ни была.

А ведь она считала себя умной.

Несравненная Мэлори Энн Шоу, первая по успеваемости на всём курсе, зазнавшаяся стипендиатка с идеальным средним баллом, девушка, которая прошла через ад детства и выжила, конченный трудоголик, что работал на трех работах и не ломался.

Она считала себя загнанным, но умным и осторожным зверем.

Той, с кем *такие* вещи просто не случаются.

Потому что такой идиотизм происходит только с легковверными дурочками, которых только пальцем помани. С наивными принцессами, которые верили красивым мальчикам с красивыми словами. С теми, кто не видел опасности, не умел читать знаков, кто давно позабыл о существовании инстинкта самосохранения.

Но не с ней. *Никогда* не с ней.

Ей хотелось рассмеяться от того, каким избитым до пошлости сценарием её обманули. Небось, накачал наркотиками или она сама напилась? Мэл не помнила, было ли в виски что-то ещё, ведь количества выпитого алкоголя хватило бы с лихвой. Дальше дело и вовсе оставалось за малым, развести пьяную дуру умными разговорами о философии, она делала ставку на Ницше, или кто там ещё был в моде среди богатеньких мальчиков, прочитавших пару книг и решивших, что теперь понимают смысл жизни. Ну а под конец хорошенько отодрать в номере отеля.

Чудо, что он не позвал дружков. С таких, как Хоторн, вполне могло бы стать. Богатые мальчики любят делиться игрушками.

Хотя... Мэлори замерла, напрягая память в попытке вспомнить детали через пелену алкогольного тумана. Была ли боль только от одного человека? Или...?

Нет. Она помнила только одно лицо, одну пару рук и один голос в ухе.

На всякий случай она опустила руку между своих ног и коснулась пальцами своих складок. Было больно. *Очень* больно. Но... разорвано там ничего не было. Как минимум, не так, когда насилие было по-настоящему жестоким. Просто неприятный, грубый первый раз с кем-то, кто не особо заботился о комфорте своего партнера.

Ну хоть здесь повезло.

Господи, до чего докатилась её жизнь, если она радуется тому, что её изнасиловал только один парень, а не целая банда.

Ладно, нужно было двигаться. Лежать здесь, погружаясь в грязное самокопание и жалость к себе, было роскошью, которую она больше не могла себе позволить. Что сделано, то сделано. Назад время не вернуть. Девственность тем более не восстановить, да и больно надо, а потому остаётся только жить дальше.

Преодолев головокружение, Мэлори спустила ноги на пол. Ковер под её ступнями был невероятно мягким, пушистым и таким белым-белым, что она почувствовала неприятный укол вины за то, что пачкает его своими грязными ногами.

Смешно. Её только что использовали как дешевую шлюху, а она беспокоится о чистоте гостиничного ковра.

Комната покачнулась, когда она встала, заставив её вцепиться в прикроватную тумбочку, но она упрямо направилась к ванной, цепляясь за стены как за точку опоры. Нужно было смыть с себя этот запах и следы мерзости, которую она не просила.

Когда она вошла внутрь, то на секунду забыла, как дышать.

Повсюду был мрамор — на полу, на стенах, даже потолок был отделан какой-то дорогой плиткой с золотистыми прожилками на радость фантазии причудливого дизайнера интерьера, что составлял всё это. В углу находилась огромная ванна на ножках, которая могла вместить в себя трёх человек. Дальше душевая кабина размером с её комнату в общежитии, с несколькими насадками и панелью управления, похожей на приборную доску космического корабля. Ну и зеркала на всю стену для полного выстрела.

Мэл посмотрела на своё отражение и поджала губу от того, какой... использованной там выглядела. Это было единственное верное слово, которое пришло ей в голову. Волосы спутались в колтуны, чёлка сбилась, прилипнув ко лбу, в уголках губ красовалась трещина, а на шее красовался тёмно-красный засос размером с монету.

Этот ублюдок пометил её.

Она провела пальцами по засосу и резко отдернула руку, напомнив себе про душ и подошла к кабине, изучая панель управления. Кнопок там, на её вкус, было слишком много: тут тебе и температура, и напор, и режимы распыления, и даже какая-то функция ароматерапии. Мэл нажала наугад несколько кнопок, и вода хлынула из всех насадок сразу — как сверху, так и с боку.

Она шагнула под струи, почувствовав, как горячая вода безжалостно обжигает кожу, и даже не предприняла попытки уменьшить температуру. Боль в её обстоятельствах играла ей на руку, так как отвлекала от других ощущений.

Розоватые струи потекли по её ногам по плитке, исчезая в сливе. Мэлори посмотрела на это, а потом взяла бутылку с гелем для душа, выдавила половину на мочалку и начала тереть. Бёдра, живот, грудь. Тёрла их до тех пор, пока покрасневшая кожа не начала саднить от боли.

Пш-ш-ш.

«Лежи тихо, Золушка. Тебе надо раздеться».

Пш-ш-ш.

«Позволь мне позаботиться о тебе».

Пш-ш-ш.

«Ты должна отдохнуть. Ляг».

Мэл закрыла глаза и обессиленно прижалась лбом о холодную плитку стены, вслушиваясь в звук воды, что забивал голоса в голове, затыкая каверзные вопросы, глухие обвинения и чёртову панику.

Она не знала, сколько так простояла. Может, десять минут, а может, целый час. Но, когда она решила, что с неё достаточно, то чувствовала себя уже не просто каким-то телом, а человеком.

Из душа Шоу вышла, закутавшись в огромное махровое полотенце, которое было мягче любой одежды, которую она когда-либо носила. На раковине её ждал целый набор из зубной щётки в дорогой упаковке, освежающей пасты, такой же упакованной в коробку расчёски какие-то крема с лосьонами. Всё новое и нераспечатанное.

Первым делом она почистила зубы, пытаясь избавиться от привкуса алкоголя и желчи, затем расчесала мокрые волосы, выдрав привычную кучу прядей, и не желая оставлять без внимания оставшиеся «подарочки» намазала ими руки до локтей и само лицо, в которое втирала крем с каким-то особенно злым удовольствием.

Выходя из ванной, она обернулась в белый халат, висевший на крючке, и только зайдя в спальню, заметила стол.

Он стоял у окна, сервированный в таком порядке, будто ей предстоял королевский завтрак с самой королевой Англии. Все чинно и торжественно: белая скатерть, серебряная посуда, хрустальные бокалы и, конечно же, еда.

Последнее её взволновало больше всего.

Чёртовы настоящие, свежие устрицы на льду с лимонными дольками. Крабовый салат в хрустальной пиале. Черная икра с тонкими блинами и сметаной. Ассорти элитных сыров — бри, камамбер, ещё какой-то с плесенью. Тонко нарезанная панская ветчина. Ещё более сюрреалистично смотревшееся прошутто. Свежие блестящие ягоды из клубники, голубики и малины. Бельгийские вафли с ванильным кремом и взбитыми сливками. Уже остывшие маффины с черникой, от которых исходил дразнящий аромат. Графин свежавыжатого апель-

синового сока. Кофейник с кофе, который уже начал остывать. И, господи, бутылка просекко, охлажденная в ведерке со льдом.

Сколько, чёрт возьми, часов она провела в ванной, если они успели доставить вот это?

Мэлори подошла к столу, плотнее запахивая пояс халата, и застыла, любуясь этим безумием.

Ну и кто это заказал? Блейк или персонал отеля знал, что нужно делать, когда богатый клиент снимает номер и приводит с собой пьяную девушку? Утренний комплект обслуживания после секса, мол, не злитесь, что вас изнасиловали, заешьте горе устрицами?

Её желудок снова заурчал, только в этот раз громче и настойчивее. Человеческий организм голодной девушки не интересовался моральными дилеммами. Человеческий организм голодной девушки хотел есть.

Мэлори медленно опустилась на стул, взяла устрицу, первую в своей жизни, к слову, и попыталась вспомнить, как их едят. Вроде бы нужно полить лимоном и выпить одним глотком? Она так и сделала.

Вкус был... сложным. Соленым, да, но также с привкусом моря и чего-то металлического и свежего одновременно. Скользящая текстура, которую она нашла странной, но не неприятной. Она проглотила и её, а после взяла ещё кусочек.

Вкусно. Чёрт побери её никому не нужную гордость, но эта помпезная хрень была очень вкусной. Оказывается, она любит морепродукты.

Ну а что? Не будет же она всерьёз отказываться от устриц только из-за того, что её изнасиловал какой-то богатый придурок, у которого было достаточно щедрости, чтобы не оставить её с пустыми руками.

Мысль застряла в её голове, как кость поперек горла.

«Изнасиловали», хах.

Тяжелое слово. Жесткое и окончательное. Тянуло за собой волокиту из полицейских отчетов, медицинских осмотров, судебных разбирательств, взглядов, полных жалости или презрения, лицемерных вопросов о том, во что она была одета, сколько выпила, почему пошла с ним.

Фарфор кофейной чаши звякнул, когда она резко поставила его на блюдце.

— Приди в себя, дура, — презрительно выплюнула она той тряпке, которая собиралась жалобно сжаться на стуле.

По факту, она просто сильно напилась и переспала с дьяволом в облики ангела. Им оказался Блейк Хоторн, капитан команды по лакроссу и президент братства Лэнгстонского университета. В конце концов Люцифер тоже когда-то был ангелом.

Да и изнасилование подразумевает насилие со стороны агрессора и сопротивление со стороны жертвы. Хотя бы четкое «нет». А она... что она, собственно, сказала? Пыталась ли вообще его остановить?

Воспоминания были размыты, как неудачные фотографии на полароиде. Она помнила его руки, губы и боль. До боли... что же было до этой боли? Поцелуй на балконе, который она даже не остановила. Машина, в которую она села по своей воле. Номер, в который она опять же вошла сама. Одежда, которую... он снимал с неё сам? Или это она помогала?

Мэл не знала. В чём-то это было даже хуже всего, что приключилось с ней за эту ночь — *не знать*.

Вздохнув, она заставила себя продолжить есть. Икра на блине была солёной, лопааясь на языке как мелкие пузырьки. Сыр был мягким, но так как она всегда отдавала предпочтение колбасе, его Мэл недоела. Ветчина была тонкой, едва не тающей во рту. Вафли оказались сладкими, с ванильным кремом внутри. Кофе крепким и горьким с двумя кубиками сахара, чтобы сделать его терпимым.

Еда, конечно, не меняла ситуацию, но она давала ресурсы для мозгового штурма.

А думать ей нужно было много.

Очевидно, что в полицию ей путь заказан. Во-первых, у неё не было доказательств. Во-вторых, она пила. В-третьих, она сама пошла за ним, если кто-то вообще видел их вместе. В-четвертых, он Блейк, чёрт его побери, Хоторн, а она никто. Какой дурак поверит стипендиатке, что учится за счет пожертвований, которые вносят богатые семьи вроде Хоторнов?

За

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.